

Я УПАЛ

Рассказ

— Болеешь?

— Нет.

— А что?

— Ничего.

— Плакал?

— Нет.

— Ладно, — бросила пытки. — А что спишь?

— Просто прилег.

— Кошмар! И это ты все время проспал, пока нас не было?!

Мальчик не успел ответить на обвинения.

— Делал что-нибудь? Нет. Не поливал ни цветы, ни грядки!

Не поливал для матери мальчонки означало заливать. Не поливал, на улице стояла жара. Растения за ночь впитали воду, а остальное впитывали облака и уплывали доставлять удовольствие в поливах другому. Мальчик проспал. Замученный родительскими делами, забыл поставить будильник на утро. Встав, не стоял у калитки, словно дворецкий, когда же те подъедут: отнести и распаковать чемоданы, порадоваться, как провели время, побеспокоиться о чае и обеде, которые попробовать не станут, сказав, что устали, и отправятся спать.

Через пять минут ей уже интересно и страшно слышать падение тела сына на пол.

— О, умер! — забежал в кухню радостный загорелый темноволосый мальчик в очках в толстой белой оправе. Он посмотрел на лежащий возле кухонного стола труп и захлопал в ладоши, подпрыгнул от удовольствия. — Ура! Теперь телевизор буду смотреть! Дайте конфетку, пойду в зал!

— Ты что! Это брат твой!

Говорилось театрально и наигранно. Любой в доме желал ему смерти, и мальчик высказал то, чего все так с нетерпением ждали, но боялись произнести вслух.

Его смерти ждали так, как, наверное, ни один ненавистный член семьи не ждет смерти дряхлого и отжившего старика. Ютится в общежитской комнате с женой и детьми, но не ждет смерти предка. Почему? Потому что даже без предположений и других вариантов сидит и винит, задает вопросы: а все ли сделал я правильно, чтобы жить, как отец? Так вот мыслей же спросить себя, все ли они сделали хорошего, что смогли, для сына, у них не было. И мать часто говорила, что он им жизнь портит и скорее бы он уже умер.

Вавилен Ойнич родился в 1990 году в Казани. Окончил педагогический колледж г. Бугульмы по специальности «Иностранный язык» и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар прозы Сергея Толкачева). Публиковался в журналах «Знамя», «ТОПОС», «Артбухта». Живет в Бугульме.

Он не женится, он не будет работать, его в армию не возьмут, и, вообще, вечный иждивенец. Вечный, несмотря на то, что половина находящегося в доме куплена на его средства.

Он им мешал, не давал жить, но ни на миг не задумывались о том, кто будет оплачивать их жизнь: придется сократить королевские, актуальнее говорить, президентские запросы, если не пенсия больного сына.

Мать побежала за отцом, а отец к медсестре, жившей через улицу. Для приличия, оттого что так положено. Сын взят на воспитание, а не оставлен умирать с болезнью в родительском доме, потому что есть надежда, что сын умрет и не заставит мучиться. Семья возьмет роль героев, отважившихся и так любивших первенца, что, несмотря на все ожидавшие мучения, без колебаний взяли домой сына. А может, это бунт молодого поколения над старшим? И они хотели, будучи в душе максималистами, доказать родителям, ругавшим их за ранний брак и ребенка, что сила любви выдержит испытания? Они оказались с ненужным им существом в руках, и растить его им помогало все это время их бунт, вызов обществу в лице родителей и старшему поколению. А теперь они действительно дождались его смерти, через столько-то лет! Правда, возможно, обвинения в их адрес, что сын погиб по их вине, пока те прохлаждались на курортах, в лицо переживающим горе родителям высказывать не будут. Скажут, что должны сказать, что, мол, плохо, когда родители хоронят своих сыновей и так далее и тому подобное. А добавят, безжалостно солгав, что, мол, он был веселым и жизнерадостным парнем и не хотел бы, чтобы они сейчас из-за него здесь мокроту разводили, ему бы, мол, не понравилось, и на этом их театр трагедии, прекрасно разыгранный на мало что понимающую публику, закончится.

Папа наконец сбежал за медсестрой, вошел в дом. На пороге встретился младший сын.

— А ты куда ходил? — спросил. Он собирался идти на улицу кататься на велосипеде, так как смотреть мультфильмы не разрешили.

— За помощью, — бросил отец хмуро.

— А! Зачем? Он же все равно умер! — удивился братик. — Я пошел гулять! Кушать будете, позовете!

Отец нахмурился. Известие для него было неожиданным. Следовало же и речь произносить об этом человеке, называвшемся сыном до этого момента. Говорить с теми, кто знал умершего. Отца опечалила неожиданная смерть мальчика.

Он побежал в кухню. Рассеянным взглядом нашел труп и смотрел на него в недоумении.

— Давай в комнату перенесем, — сказала мать, — а то здесь валяется под ногами, словно жертва бытовухи.

Отец опустился на колени, послушал сердце мальчика, потрогал пульс правой руки и на шее. В недоумении произнес:

— Ну да, ты что, дурак, что ли? Жив еще!

Он плохо говорил по-русски. Не из-за того, что другой национальности, а потому, что переехал сюда из другой местности, говорил по сербо-абхазски, на таком местном варианте этого языка, где ошибки в расстановке ударения делались в трех словах одного предложения, а уж об остальном и говорить-то стыдно.

— Не дурак, а дура! — вставила сестра, взявшая на себя роль умной после смерти брата.

Правда, кроме трех ошибок, она не замечала ни одной из обычной фразы отца.

Если заметила, то об этом молчать. Тактично и вежливо поступал с ними брат. Пропускал мимо ушей грубости, несмешные шутки и попытки пошутить по-новому. Мозг отфильтровывал, исправлял сказанную фразу.

Ученость не давала сглаживать слух и уподобляться тому, откуда он так долго и упорно выбирался. Навыки и воспитанность крепко заложены преподавателями, дававшими классическое образование. Еще причина молчания в том, что исправлять так резко ошибки в речи другого человека невежливо и глупо. Это приносило ему вид возвышенности, зазнайства перед родителями, хотя чем-то отличавшимся в лучшую сторону он себя не чувствовал. Болезнь не позволяла быть на равных, не то чтобы еще возвышаться. Чувствовал себя оскорбленным, ничтожным человеком, недостойным жить. Человеком, униженным болезнью. Это клеймо, как у средневекового раба или крепостного крестьянина. Желал сегодняшней смерти. Но он жив.

Не замеченная до фразы сестра стояла в дверях, прикусив губу, с мобильным телефоном в руках, набирая подружкам короткие электронные сообщения. Скорее всего, сообщив о приезде, договорилась с ними о ближайшей встрече, ей необходимо все в подробностях им пересказать. Впрочем, несмотря ни на что, даже на смерть брата, она сегодня же и произойдет, эта долгожданная встреча.

Сестра пыталась умничать. Она мечтала блистать на обложках глянцевого журнала, получать огромные деньги и разрешать себе капризы, но вела себя подобно деревенской доярке, хотя позволяла себе капризничать, хотя старательно красила ногти, уже стала на нее походить и формами. Она и заглянула-то сюда за очередной булочкой. Шумиха вокруг брата ее не касалась. На его похороны ей бы потребовалось «особое приглашение».

— Ну, что смотришь-то? Поехали! — скомандовала мать.

И тело мальчика протащили до зала, где принимали гостей. А врач, позванный так не вовремя, был гостем. В дом редко заходили, все необщительны, и соседи не смели тревожить семью, имеющую больного мальчика и до сих пор не избавившуюся от него. Нравы людей поменялись, и они стали более просто относиться к человеческим чувствам и жизням, перестали замечать их. Как говорил один из популярнейших писателей их времени Чак Паланик: «Неважно, сколько людей умрет, все останется по-прежнему». Поэтому, схватив мальчика за ноги и руки, словно мешок с картошкой, дотащили до места. Когда тело рухнуло на диван, трянули руки, и мать сказала:

— Ух, тяжелый какой стал.

А отец добавил:

— Потолстел, скотина.

Заговорила сестра:

— Ну сколько можно жрать-то по ночам!

Кухня рядом с ее комнатой. А слух у нее чуткий, и редко спала по ночам, так как думала о любви.

— Да ладно тебе, пусть ребенок ест! Жалко, что ли!

— Так он не со всеми, а отдельно, по ночам!

— Пусть ест, когда захочется! Докопался.

Сестра хихикнула. Родители на нее с подозрением посмотрели.

— Он что, так громко чавкает? Что будит вас? Или у холодильника вместе встречаетесь?

Она нахмурилась.

— Я обычно тихо ем, никто не замечает.

Мать посмотрела на нее с ног до головы:

— Еще фотомоделью собралась становиться! Ляжки-то уже вон какие отрастила.

Она посмотрела на себя обиженно и с испугом:

— Нет, мам, нормальная.

— Серьезно говорю, потолстеешь — никто замуж не возьмет!

— Нугу, — промычал отец, — будешь как мама! Женился на красавице стройной, а какой она сейчас стала.

— Ну так ведь женился же! — обиделась мать.

Наступила неловкая пауза, которую прервала сестра:

— Может, нашатырь ему дать?

— А у нас она есть? — встрепенулся отец, округлив глаза, это бы сняло и предложение вызвать медсестру, если бы прозвучало чуть раньше.

— Нет, конечно! — возмутилась мать и ответила, обращаясь к дочери: — Ты что, с ума сошла? У нас нашатырного спирта отроду не было.

— Был же вроде, — обиделась сестра.

— Не было, ты что уж!

Дочь успокоилась, а отец нет. Проблема нахождения в доме нашатырного спирта, похоже, взбудоражила.

— Как не было? Был! — и он поднялся с кровати возле сына, на которую присел, чтобы проверить вновь пульс, и отправился порыться на полках с лекарствами.

— Не надо, — возразила мать. — Опять всековытаскиваешь и ничего не найдешь! Сама схожу, — ответила она, но спохватилась. Она сидела на мягком кресле возле кровати и подняться не решилась, поэтому добавила: — Или вон доченька сходит. Доченька, иди поищи папе нашатырного спирту, а то наш папенька не уймется!

И она отправилась в кухню. Слышно, как залезла в шкаф, уронила баночку с мазью, рылась в таблетках и называла имена некоторых из них, пытаясь узнать у родителей, не годятся ли.

— Нет! Нашатырный спирт ищи! — кричали то отец, то мать по очереди.

Наконец захлопнулась дверца, и дочка крикнула:

— Нет! Нешла! Нет тут ничего! Может, простой водки принести?!

Родители крикнули, что никакой водки не надо, а нужен нашатырный спирт, на что дочь ответила:

— А какая разница? Тоже сильно воняет!

Отец разозлился и ответил некультурно:

— Помойное ведро и говно тоже воняет! Может, его еще принесешь?

Девочка такому повороту событий была бы рада и уже представляла, какое бы лицо было у брата, когда к носу поднесли отходы продуктов или человеческого пищевода, и брякнула:

— Давай, а что?

Естественно, ответа не последовало. Отец встал и посмотрел в окно, не видно ли там медсестры, а в это время скрипнула дверь, и с кухни дико заорал кот.

— Что там случилось? — закричала мать.

— Что кот орет? — спросил отец.

— Валериану разлила.

Мама выругалась нецензурным словом, а отец спросил:

— Вытерла? Люди придут, а дома бардак!

— Вытерла! То есть вытираю, все уже почти!

— И кота убери! — скомандовала мать, уже проклиная себя за то, что сама не сходила за спиртом, дочь за то, что начала разговор, и сына за то, что родился, и отца за то, что вышла за него замуж.

— Уберу! — пообещала дочь.

Какими бы люди ни хотели казаться, они будут показывать себя такими, какими они и являются. Если, правда, не обладают театральным мастерством, хотя и оно заметно на телеэкранах, когда в кино снимается малоизвестный актер, и не верится ему,

когда он шаблонно бормочет роль, не проживая ее. Поэтому они не успели дочь ни о чем попросить, как в дверь раздался стук прибежавшей медсестры.

За совместную жизнь, а прожили вместе достаточно, и больной ребенок родился после первой брачной ночи, родители Эрнеста не научились приемам медпомощи, они не знали, как его привести в чувства иным способом. В отличие от семей, где за ребенком смотрели и вели себя по совету доктора и согласно формулам «Все лучшее детям» и «Дети — наше будущее», и любой такой случай обморока или рвоты казался сверхсобытием, где здоровье ребенка ставилось превыше всего, в этой семье существовали жесткие спартанские условия, и если с ребенком случалось что-то серьезное, то его за это строго наказывали дополнительной работой, словно он сам это себе устроил, как школьник устраивает липовые справки перед контрольными или весной, словно он работал не ради блага семьи, а устраивал больничные на ответственной, важной работе. Ему приходилось платить за потерянные нервы родителей. Он приостанавливал нормальный ежедневный рабочий процесс, выкидывая такие штуки.

Медсестру провели в комнату, она посмотрела на родителей:

— Что, еще не пришел в сознание?

Родители покачали головой.

— Нашатырный спирт не пробовали?

Мать отрицательно покачала головой, отец пошел за ним.

— Сейчас посмотрю, у нас должен быть где-то.

— Да ладно, у меня свой есть! — хотела остановить его медсестра, но тот уже шел в сторону кухни, при входе в которую встретил дочь, несущую неадекватного черно-белого кота.

— Да нет уж у нас спирта! Был бы, давно использовали! — крикнула вдогонку мать.

Но отцу даже рыться не пришлось, он увидел пузырек с нужной надписью, как открыл дверцу шкафчика. Он понюхал его, проверяя, соответствует ли надпись содержанию, и резко отвернулся, прищурившись, словно от кислинки свежего лимона: в нос ударил резкий запах.

— Нашел! Несу! — крикнул он и понесся скорее обратно в комнату.

Там, когда прибежал с баночкой в руках, возле сына уже сидела медсестра и водила проспиртованной ваткой возле носа.

— Свой есть. Я же кричала, — отвлеклась медсестра.

— Может, пригодится, — ответил отец и поставил пузырек на столик.

— Не помогает? — поинтересовался отец, так как видел, что ватка, мокрая от спирта, воздействия на сына не оказывает.

— Подействует, — ответила медсестра и, отложив вату, поднесла к носу раскрытый пузырек.

Запах, который издавал он, настолько силен, что мальчик сразу же пришел в себя и завертел головой.

— Ну, слава тебе Господи! — с облегчением вздохнула семья одновременно.